

Контроль в Лабиринте Веры: Путь к Духовной Свободе

Вопрос, верующий ли я, можно сравнить с запертым сундуком, ключ от которого неизвестен даже мне самому. Иногда мне кажется, что этот сундук был отлит где-то на Урале, в жарких плавильнях, где в угольный жар бросают суровые горцы, люди, чьи лица огрубели от вечных ветров и тяжёлых, как камень, дум. Вопрос этот пульсирует в голове, как метастазирующий узел в сети, которую я же и построил.

Живя в России, где церкви возвышаются над каждым городом, где кресты на куполах, как острые шипы, пронзают небеса, невозможно не чувствовать дыхание религии. Но что такое религия? Это не вера. Это узкая тропа, иссечённая доктринами, как глубокой бороздой по снегу. Стоит шагнуть в сторону, и ты увязнешь в бездорожье, которое осуждается.

Конфессии напоминают мне старые советские двери: крепкие, тяжёлые, со старыми замками, которые постоянно заедают. Люди верят, что, проходя через эти двери, они окажутся в царстве Божьем, но за каждой такой дверью скрываются лишь другие коридоры, ведущие к ещё более тяжёлым дверям. Открываешь одну – за ней вторая, третья... А где же Творец? Он ли там, за этими запертыми дверями, или его вообще никогда не было в этом лабиринте?

Когда я был ребёнком, мой дед всегда говорил: «Верь в Бога, но не забывай – молитва не накормит». И я, ища Бога, молился на обед из картошки и квашеной капусты. Но сейчас я понимаю, что вера в творца не должна превращаться в инструмент для выживания. Это как доверять старому телеграфу, посылающему свои сигналы по ржавым проводам, которые давно сгнили и больше не касаются неба.

Многие бегут в церковь, как бежали за хлебом в блокадный Ленинград, цепляясь за последнюю надежду. Но в этом и кроется ловушка: церковь предлагает хлеб, но не свет. Она накладывает на глаза повязку, пряча тебя от безграничного небосвода, где может быть, Творец и живёт. Конфессия ограничивает, стесняет, как старое советское пальто, которое больше не согревает, а

лишь тяготит плечи.

Вера, как мне кажется, должна быть необъятной, как русская тайга. Она не терпит границ, указанных на картах. Она дикая, необузданная, и в этом её сила. Истинная вера – это некий диалог с самим собой, где нет посредников, где ты сам строишь мосты через реки сомнений, сам прокладываешь тропы сквозь леса неверия.

Когда я спрашиваю себя, верующий ли я, мне вспоминается Сибирь. Необъятные пространства, где лес встречается с горизонтом, и где небо кажется ближе. Там я ощущаю дыхание Творца, но это не Творец из церковных стен, а что-то гораздо более великое и простое одновременно. Это как тихий шёпот ветра в зимнюю ночь, который никто не сможет уловить, если только не остановится и не прислушается.

Так что, верующий ли я? Одному Богу известно. И если он действительно существует, то, возможно, он смеётся, наблюдая, как мы пытаемся заключить его в рамки конфессий, как дети, пытающиеся поймать ветер в сачок. Истинная вера – это не догма и не ритуал, это внутренний огонь, который не погаснет даже в самую тёмную ночь.